

«Небывалое, страшное духовное подполье»

Наталья Соколовская

Ольга Берггольц (1910–1975) — русский поэт, легендарный голос блокадного Ленинграда, автор ставшей крылатой фразы «Никто не забыт и ничто не забыто», почти всю жизнь вела дневники: и в тёмные годы сталинских репрессий, и в смертное время блокады. Опубликованные спустя годы после смерти Берггольц, эти дневники стали ее Главной книгой.

«Сегодня Коля за-
капает эти мои
дневники. <...>
Если выживу —
пригодятся, чтоб
написать всю правду. О беспредель-
ной вере в теорию, о жертвах во имя
её осуществления, — казалось, что
она осуществима. О том, как потом
политика сожрала теорию, прикрыва-
ясь её же знамёнами, как шли годы
немыслимой удушающей лжи».

Эта дневниковая запись сделана
Ольгой Берггольц 17 сентября 1941 года,
в один из самых страшных дней пер-
вого месяца блокады, когда судьба го-
рода висела, казалось, на волоске. Речь
в этой записи идёт о дневниках трид-
цатых годов, которые были изъяты
во время ареста Берггольц в 1938 году,
а в 1939-м возвращены (!) при освобож-
дении уже с пометами следователя.

Из тюрьмы Ольга вышла дру-
гим человеком. Но память о себе той,

до-тюремной, страшной, она считала
важным сохранить, чтобы потом «на-
писать всю правду» о том времени
и его людях. Вот несколько цитат:

24 августа 1936 года: «<...> Про-
цесс троц<кистско>-зин<овьевского>
центра <...> Надо выработать в себе
холодность и жестокость к людям на-
ряду с доверием. <...> Они пятнали
партию. А всё-таки она незапят-
нанная. Нет, суки, за<...>е, и те, что
на скамье, и те, что ещё не попа-
лись...<...> не вам, не вам, суки,
торжествовать и осуждать пар-
тию. <...> Преданностью до по-
следней клетки, нетерпимостью
даже к антисоветской дружеской
шутке — отвечать на это».

3 сентября 1936 года: «Положе-
ние вообще в Союзе <писателей>
не из весёлых, по партлинии мно-
го исключений, арестов и т. д. “Иду



► Ольга Берггольц. 1930 год

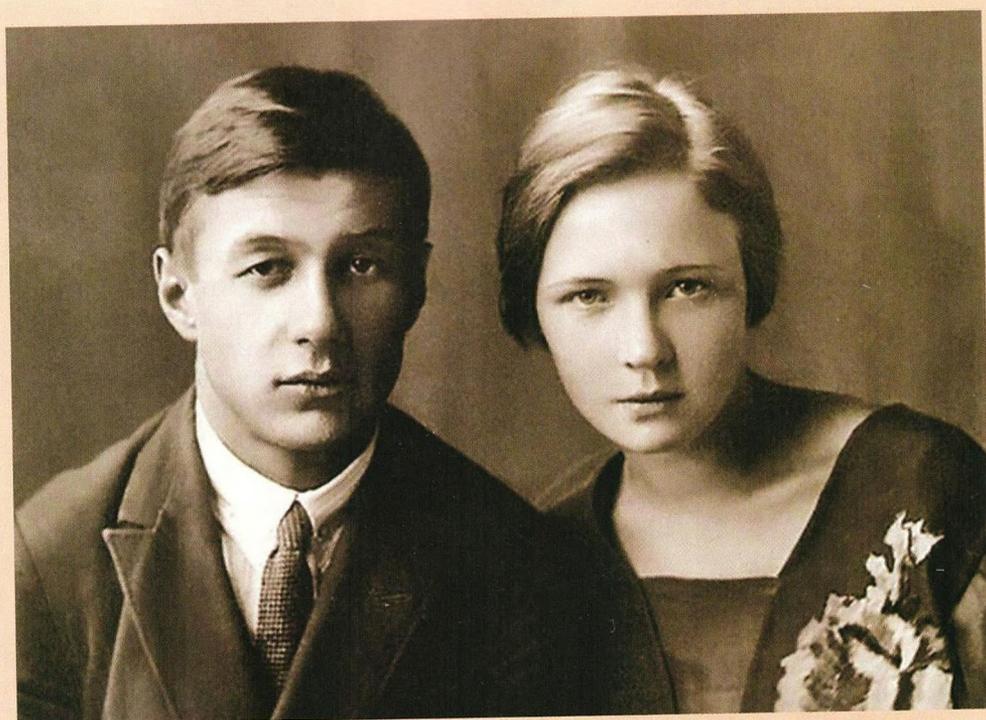
по трупам?» Нет, делаю то, что приказывает партия. Совесть в основном чиста. А мелкие блошинные угрызения, вероятно, от интеллигентщины».

26 ноября 1936 года: «Вчера слушала доклад Сталина на съезде. Трижды будь благословенно время, в которое я живу единый раз, трижды будь благословенно, несмотря на моё горе, на тяготы! Оно прекрасно. <...> И вот эта родина, эта конституция, этот гордый доклад — ведь в этом вся моя жизнь <...>. Она оправдана эпохой, она спасена и обессмерчена ею...»

16 апреля 1937 года: «Арестован Лёшка Авербах... Ну, то, что арестован Борис Корнилов, — не суть важно; тут у меня, как говорится, “чистая”. Невзирая на вопли о “сведении личных счётов” — с 32 года, как могла, способствовала Союзу его выгнать. Арестован правильно, за жизнь».

В начале 1930-х она уже автор нескольких детских книг и одной поэтической

Лёшка Авербах — Леопольд Авербах, всесильный генеральный секретарь РАППа (Российская ассоциация пролетарских писателей), его сестра Ида была замужем за Генрихом Ягодой, главой НКВД СССР. Ольга познакомилась с Авербахом в 1931 году, на пленуме РАППа. Но московские руководители и раньше приезжали в Ленинград с инспектированием «литературных объединений» (начало нового этапа взаимодействия писателей и государства, подготовка к созданию СП СССР). В 1929 году из ЛАППа (Ленинградская ассоциация пролетарских писателей) Ольга была временно исключена по той причине, что «её творчество ни в какой мере не является творчеством пролетарского писателя. т. Берггольц может быть принята в ЛАПП вновь только через рабочий кружок» (из протокола заседания комиссии по проверке состава ЛАППа). Но в самом начале 1930-х она уже автор



▲ Борис Корнилов и Ольга Берггольц. 1929 год

нескольких детских книг и одной поэтической. Её хвалят Маршак и Горький, она работает в многотиражке «Электросилы» и пишет историю завода, и она вхожа к Ахматовой.

Из письма Николаю Молчанову, второму мужу, в Казахстан: «Потом приехал Авербах... По приезде он сразу проявил максимум заинтересованности ко мне. Мы с ним сразу подружились. Ходили, разговаривали,

ужинали в Европейской и т. д. Колька, что это за человек, наш Князь! И (деталь) потом вдруг ещё открылась его сторона, вдруг (?) говорит: “неделями тянет к револьверу” и т. д.»

Связь (в обоих значениях слова) с Авербахом — не только серьёзное искушение властью. Позже это послужит скверную службу и при фабриковании уголовного дела Ольги.

Борис Корнилов — поэт, первый муж Ольги (расстались в 1930-м). В 1936-м от болезни сердца умерла их общая дочь Ирина. И вот спустя год Ольга пишет о её отце: «Арестован правильно, за жизнь». В 1938 году Корнилова расстреляют.

Эти слова, написанные чудовищем, Ольга сохранит не иначе как в назидание потомкам: чтобы помнили, что государство может сотворить с человеком. Но парадоксально: в эти годы личного и общественного безумия её дневник и письма полны цитатами из Ходасевича, Ахматовой, Мандельштама, Гумилёва, Пастернака... Это не только частный и исторический, но и антропологический документ эпохи.

Из следственного дела Берггольц: «...являлась активной участницей контрреволюционной террористической организации <...> ...квартира

▼ Николай Молчанов. Служба в РККА. 1932 год





▲ Леопольд Авербах.
Первая половина 1930-х годов

Берггольц в г. Ленинграде являлась явочной квартирой террориста Дьяконова Л. Д., который в 1937 г. приезжал к ней и совместно с ней намечал план убийства т. Жданова, т. е. в преступлениях предусмотренных статьями 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР».

Из показаний Леонида Дьяконова: «На первомайском параде 1937 г. мы готовили два терракта. По одному

▼ Ольга Берггольц.
Фото из следственного дела, 14 декабря 1938 года



из них предполагалось произвести выстрел по трибуне из танка. Это дело <...> не состоялось из-за внезапно-го заболевания надёжного танкиста. Второй вариант покушения продумали мы сами. Мы предполагали использовать прохождение перед трибуной кавалерии, бросить в неё шумно взрывающееся вещество типа больших петард, чтобы напугать лошадей и в получившейся панике проникнуть на трибуну через места у трибуны и стрелять. Бросать вещество должен был я, а стрелять или Берггольц, или Молчанов, смотря по тому, кому удастся ближе подойти. Но я струсил, приехал в Ленинград только первого мая, а они без меня не решились».

Тогда подобные показания были в порядке вещей и не казались абсурдом.

Летом 1939 года Ольгу освобождают «за недоказанность состава преступления». Кто знает, помогло ли заступничество Александра Фадеева или то, что на смену арестованному и вскоре расстрелянному Ежову пришёл «либеральный» Берия.

14 декабря 1939 года: «Ровно год тому назад я была арестована. <...> ...Да, но зачем всё-таки подвергли меня всё той же муке?! <...> И это безмерное, безграничное, дикое человеческое страдание, в котором тонуло мое

страдание, расширяясь до безумия, до раздавленности? Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в неё, гадили, потом сунули её обратно и говорят: «Живи!».

Стихи, написанные Ольгой в тюрьме и после тюрьмы, войдут в книгу «Узел», вышедшую только в 1965 году.

Войну и блокаду Берггольц встретила другим человеком. «Неразрывно спаять тюрьму с блокадой... Тюрьма — исток победы над фашизмом,

«Ровно год тому назад я была арестована»

потому что мы знали: тюрьма — это фашизм, и мы боремся с ним, и знали, что завтра — война, и были готовы к ней», — это из подготовительных набросков ко второй части повести «Дневные звёзды», которую Ольга так и не написала, но называла своей Главной книгой.

Почти с самого начала войны Ольга работает в Радиокomiteте.

▼ Ордер на обыск и арест.
13 декабря 1938 года

С. С. С. Р.

УПРАВЛЕНИЕ НКВД ПО ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОРДЕР № 11/046
13 декабря 1938 г.

Выдан
Управления Государственной Безопасности УНКВД по ЛО
Воронцов-Витменеву
Производство *обиска и ареста*
Берггольц, Ольги Федоровны
ул. Рудвилькина д. 30

Начальник Управления НКВД по ЛО
Начальник Второго Отдела УГБ

14 августа 1941 года: «Хуже всего, что живёшь, как в тёмной бутылке, и ничего толком не знаешь. Я думаю, что правда — лучшее оружие против слухов и паники. <...> Наша агитация — жалкая кустарщина. Должны выступать “отцы города”, — с открытым, прямым словом, но они молчат, их как бы и нет... Надо любой ценой побить Гитлера, а там увидим...»

2 сентября 1941 года: «Сегодня моего папу вызвали в управление НКВД в 12 часов дня и предложили в шесть часов вечера выехать из Ленинграда. Папа — военный хирург, верой и правдой отслужил Советской Власти. <...> Видимо, НКВД просто не понравилась его фамилия — это без всякой иронии».

24 сентября 1941 года: «Анна Ахматова, муза плача, гордость русской поэзии — неповторимый, большой, сияющий Поэт. Она почти голодает, больная, испуганная. А товарищ Шумилов (секретарь обкома и горкома партии по пропаганде. — Н. С.) сидит в Смольном в бронированном удобном бомбоубежище и занимается тем, что даже сейчас, в трагический такой момент, не даёт людям вымолвить живого, нужного, как хлеб, слова».

И через весь блокадный дневник проходит эта мысль: «Надо уничтожить фашизм, надо, чтоб кончилась война, и потом у себя все изменить. Как? ...Только бы мир, победа, а там разберёмся...»

И ещё. 14 октября 1941 года: «...о многом хочется сказать людям. Хотя и знаю, что единственное, о чем надо говорить им, — это о том, что война — позор, бесчестие людей... <...> Война вообще — на все века — позор...» И снова мучительные попытки писать честно. Хотя бы настолько, насколько позволяет цензура...

В марте 1942 года из города высылают отца Ольги: «...В мёртвом городе вертится мёртвая машина и когтит и без того измученных и несчастных людей... <...> Власть в руках у обидчиков. Как их повылезало, как они распоясались во время войны, и как они мучительно отвратительны на фоне бездонной людской, всенародной, человеческой трагедии».

Тогда же, в марте, Ольга оказывается в Москве, куда её, истощённую,

только что потерявшую мужа (Н. Молчанов умер 29 января), отправляют в командировку.

1 марта 1942 года: «О Ленинграде всё скрывалось, о нём не знали правды так же, как об ежовской тюрьме. Я рассказываю им о нём, как когда-то говорила о тюрьме — неудержимо, с тупым, посторонним удивлением. <...> ...Трубя о нашем мужестве, они скрывают от народа правду о нас. Мы изолированы...»

«Им» — это в московском Радиокомитете и Союзе писателей.

12 марта 1942 года: «Живу в гостинице “Москва”. Тепло, уютно, светло, сытно, горячая вода. В Ленинград! Только в Ленинград... <...> В Ленинград — навстречу гибели...»

23 марта 1942 года: «Теперь запрещено слово “дистрофия”, — смерть происходит от других причин, но не от голода! О, подлецы, подлецы! ...Трупы лежат штабелями, в конце Мойки <...>. Между этими штабелями ездят грузовики, с трупами же, ездят прямо по свалившимся сверху мертвецам, и кости их хрустят под колёсами грузовиков. В то же время Жданов присылает сюда телеграмму с требованием — прекратить посылку индивидуальных подарков организациями в Ленинград. Это, мол, вызывает “нехорошие политические последствия”».

▼ Корешки карточек на хлеб Ольги Берггольц (рабочая) и Николая Молчанова (иждивенческая). Декабрь 1941 года



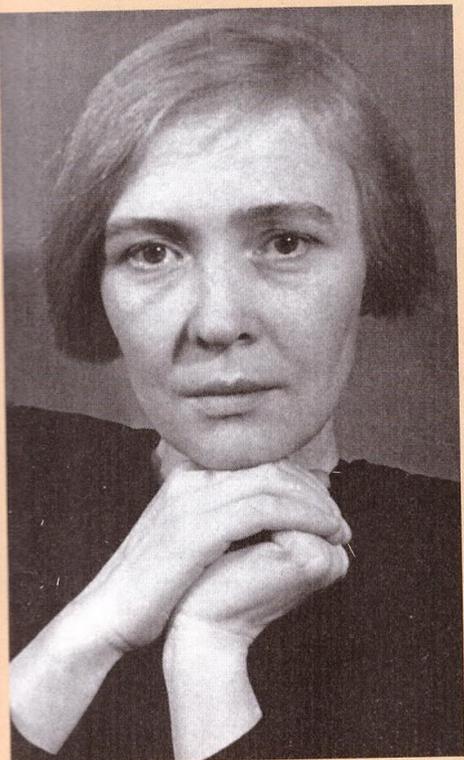
▲ Печатная машинка Ольги Берггольц, «арестованная» вместе с ней 14 декабря 1938 года

12 апреля 1942 года: «Живу двойственно: вдруг с ужасом, с тоской, с отчаянием, слушая радио или читая газеты, понимаю, какая ложь и кошмар всё, что происходит, понимаю это сердцем, вижу, что и после войны ничего не изменится...»

18 января 1943 года блокада Ленинграда была прорвана. Сообщение об этом зачитывала у микрофона в Радиокомитете Ольга Берггольц. Были там и такие слова: «Мы знаем, нам ещё многое надо пережить, многое выдержать. Мы выдержим всё. Уж теперь-то выдержим, теперь-то мы хорошо почувствовали свою силу». Но именно народ, почувствовавший свою силу, был не нужен власти.

«Я думаю, что она сумела передать не только состояние души военных лет, но и сложнейшие противоречия советской жизни, мучительной,





▲ Ольга Берггольц. 1945 год

укреплённой и освещённой несбывшейся мечтой о справедливости. А ведь как права она оказалась: именно в блокаду ленинградцы, отрезанные от страны, впервые ощутили себя среди голода, воя бомбежек, свободными — «свободой бурною дышали», — сказал друживший с Ольгой Даниил Гранин, процитировав её «Февральский дневник» («В грязи, во мраке, в голоде, в печали, / где смерть как тень тащилась по пятам, / такими мы счастливыми бывали, / такой свободой бурною дышали, / что внуки позавидовали б нам»).

Уже в 1945 году поэтам, писавшим во время блокады, партийные идеологи указали на «нотки упадничества, индивидуализма». Началось формирование правильного, соцреалистического «блокадного канона».

А 14 августа 1946 года грянуло Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о неудовлетворительной деятельности журналов «Звезда» и «Ленинград», и началась самая настоящая травля Ахматовой и Зощенко.

По степени отчаяния дневники Берггольц этого времени схожи с после-тюремными. Пожалуй, они даже страшнее: теперь все надежды на очеловечивание режима рухнули.

20 декабря 1946 года: «...террор против личности, начавшийся 14 августа... <...> Все возможности для того, чтоб личность могла выразить себя так, как она хочет, индивидуально, — беспощадно ликвидируются... <...> ложь почти единственная и, во всяком случае, преобладающая форма человеческих отношений... <...> государству <...> нужно только одно: выполнение нового пятилетнего плана — плана подготовки к новой, ещё более ужасной, чем эта, войне. <...> поголовное стремление людей — уйти в свои норы, где можно не лгать. <...> Небывалое, страшное духовное подполье...»

Из «Автобиографии»: «...так как я не “разоблчила” Ахматову, меня отовсюду повыгоняли — из Правления, из редсовета издательства...»

Дневники Берггольц — это и свидетельство того, что происходило в Ленинграде во время блокады, и источник знания о советской эпохе в целом. Записи эти поражают и обезкураживают откровенностью и бесстрашием. Дневник она будет вести (и хранить как зеницу ока) и во времена «ленинградского дела», и обманчивой «оттепели».

31 октября 1949 года: «...не будет ничего удивительного, если именно меня как поэта, наиболее популярного поэта периода блокады, — попытаются сделать “идеологом”

ленинградского противопоставления со всеми вытекающими отсюда выводами, вплоть до тюрьмы».

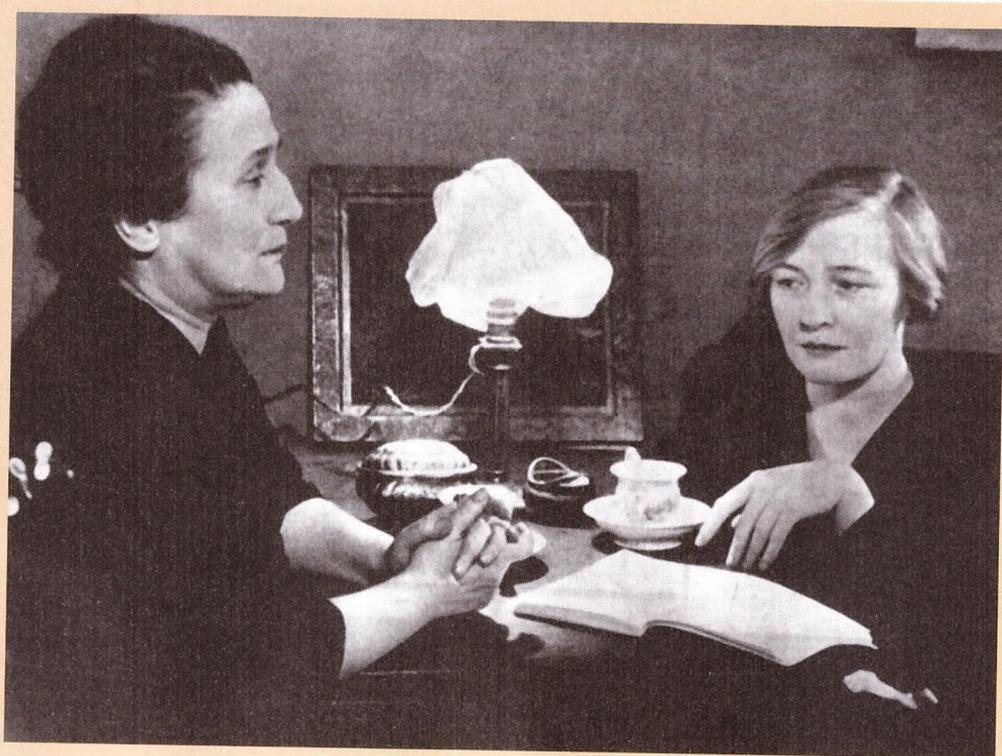
В эти же дни, опасаясь обыска и ареста, Георгий Макогоненко, третий муж Ольги, прибьёт гвоздём к тыльной стороне дачной скамьи тетрадь со страшными записями о сталинском колхозном ГУЛАГе.

20 мая 1949 года: «Нахожусь в селе Старое Рахино... Первый день моих наблюдений принёс только лишнее

«Итак, — безысходная мгла впереди»

доказательство к тому же, всё к тому же; полное нежелание государства считаться с человеком, полное подчинение, раскатывание его собой, создание для этого цепной, огромной, страшной системы... Вот все в этом селе — победители, это и есть народ-победитель. Как говорится, что он с этого имеет? <...> И эта страшная “установка”: “Не вооружать паспортами!” Оказывается, колхозники не имеют паспортов. <...> Итак, баба умирает в сохе, не вооружённая паспортом...»

▼ Анна Ахматова и Ольга Берггольц. Ленинград, 1947 год



Отрывок.

*Достижений целого поколения,
Давно не сошедших бы,
Иконку „Благое Молчание“
Мне мать подарила в детстве.*

*И Ангел Благого Молчания
Ревниво меня охранял,
Он двояжды меня не оставлял
С нуби совести. Он знал*

*Он знал, кем тамли соборили
Увиденного не издавал.
Молчанье души ислугоб мне,
И мнѣ зяемател и слав.*

▲ Автограф стихотворения «Отрывок». 1952 год

5 марта 1954 года (ровно через год после смерти Сталина): «Но куда же денется эта страшная, лживая, бесперспективная жизнь, которой мы живём, которой не видно никакого конца? <...> Муська (сестра О. Берггольц. — Н. С.) очень любящая меня, кричала: “Я не могу для тебя изменить государственную систему”... А в ней-то главное дело и было. <...> Но каторга оставалась каторгой, и вся страна и физически, и духовно (о, особенно духовно!) была такой, и не только мирясь, но и славя ее, я лгала, и знала, что лгу, и мне никуда было не уйти от сознания своей лживости, — даже в водку. <...> В начале 52-го, зимой и весной, — дважды Волго-Дон. Дикое, страшное народное страдание. Историческая трагедия небывалых масштабов. Безысходная, жуткая каторга,

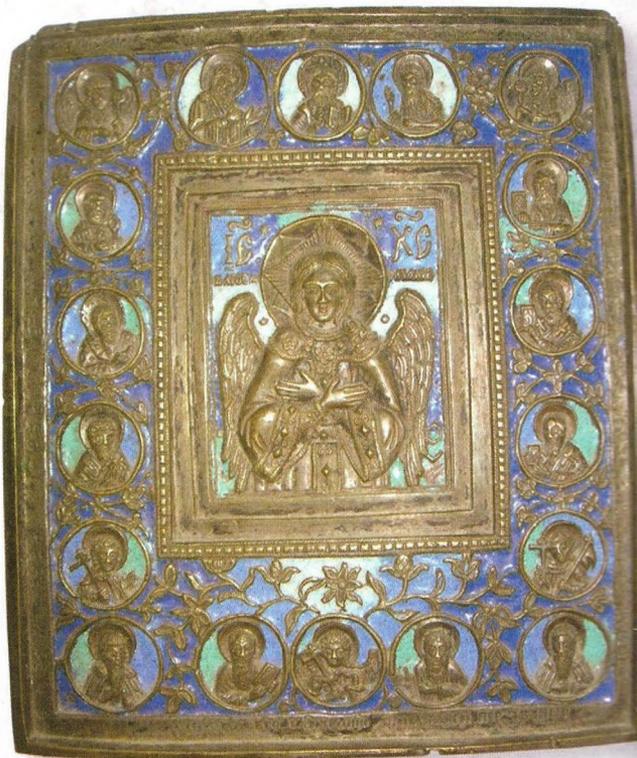
▶ Ирина (дочь Бориса Корнилова от брака с Людмилой Борнштейн), Ольга Берггольц и мать Корнилова Таисия Михайловна на закладке памятника Корнилову в городе Семёнове. Фото из семейного архива Ирины Корниловой-Басовой. 1967 год

именуемая “великой стройкой коммунизма”, “сталинской стройкой”. Это — коммунизм?!»

1 июня 1957 года: «В декабре 1956 г. после кровавых венгерских событий курс был круто изменён. <...> Я попала за своё выступление в закрытое письмо ЦК, под названием «О вражеских вылазках»... и т. д. <...> Итак, — безысходная мгла впереди... <...> Внутренняя свобода отнята более, чем когда-либо. <...> Похмелье! Вот самый точный термин для определения того состояния, в котором

мы находимся... <...> а главное — душеарадирующее одиночество и тоска, и стыд, и отвращение к себе и к жизни, и к деятельности, — о, всё точно так. И не я одна испытываю это».

Из воспоминаний Даниила Гранина о похоронах Берггольц: «Романовский обком наконец-то мог отыграться за все неприятности, какие доставляла ему Ольга. Нагнали милиции и к Дому писателя, и на Волково кладбище. Добились своего — народу пришло немного. А как речей боялись,



▲ Ангел Благого Молчания. Подаренная матерью икона, которую Ольга Берггольц хранила всю жизнь

боялись, чтобы не проговорились — что была она врагом народа, эта великая дочь русского народа была врагом народа, была арестована, сидела, у неё вытоптали ребёнка, её исключили из партии, поносили... На самом деле она была врагом этого позорного режима. Никто, конечно, и слова об этом не сказал. Не проговорились».

Автор — писатель, составитель книги «Ольга Берггольц: “Я пишу здесь только правду”. Из дневников. 1923–1971»

